
**ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**ДЖИХАДИСТЫ ИЗ ЕВРОПЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
СКРЫТАЯ И ЯВНАЯ УГРОЗА**

© 2015 г. А. Яшлавский

Проблема “иностранных бойцов” из стран Европы, отправляющихся воевать на стороне радикально-джихадистских группировок в страны Ближнего Востока (прежде всего, Сирию и Ирак) приобретает все большую актуальность ввиду той опасности, которую представляют для своих стран возвращающиеся домой боевики. Феномен европейских джихадистов связан с целым комплексом объективных и субъективных проблем, при этом огромную роль в рекрутировании экстремистами представителей европейской молодежи играют информационные технологии (главным образом социальные медиа в Интернете). Государству и обществу в европейских странах предстоит выработать эффективные методы противостояния потенциальной угрозе со стороны возвращающихся на родину боевиков.

Ключевые слова: “Исламское государство”, ИГИЛ, “Фронт ан-Нусра”, исламизм, терроризм, экстремизм, джихадизм, салафизм, Сирия, Ирак, национальная безопасность, Европа, иностранные бойцы, Ближний Восток, социальные медиа.

Статья поступила в редакцию 24.04.2015.

Трагические события начала января 2015 г. во Франции (нападение на редакцию сатирического еженедельника *Charlie Hebdo* и захват заложников в парижском магазине кошерных продуктов) в очередной раз высветили проблему доморощенного исламистского экстремизма в странах Запада. Эта проблема приобретает особое звучание и в свете того, что сотни и даже тысячи граждан стран Европы и Северной Америки отправляются в Сирию и Ирак для участия в боевых действиях на стороне салафитско-джихадистских группировок. Совершенно не случайно через несколько дней после террористических актов в Париже при проведении полицейских рейдов во Франции, Бельгии и Германии были задержаны лица, подозреваемые в вербовке европейских мусульман для участия в боевых действиях на стороне радикальных исламистов на Ближнем Востоке, а также вернувшиеся на родину участники этих боевых действий.

Уже в феврале 2015 г. в Бельгии были вынесены приговоры 46 подсудимым, обвиненным в принадлежности к группе, вербовавшей боевиков в Сирию. Согласно обвинению, организация *Sharia4Belgium* рекрутировала молодых людей для джихадистских группировок (таких как “Исламское государство”). Лидер организа-

ции Фуад Белкасем был приговорен к 12 годам лишения свободы. Он использовал публичные лекции и социальные сети для того, чтобы убедить молодых людей в необходимости примкнуть к джихаду. По официальным данным, примерно 350 бельгийцев уехали воевать в Сирию и Ирак, причем в процентном отношении к общему числу населения страны это самый высокий показатель в Европе. По некоторым оценкам, примерно 10% всех рекрутированных в Сирию были связаны с *Sharia4Belgium*.

Само по себе активное и возрастающее участие иностранных джихадистов в сирийской гражданской войне и военных действиях в Ираке делает крайне затруднительным поиск мирных решений этих запутанных конфликтов. Иностранные участники боевых действий получают боевой опыт и идеологическую подпитку, обрастают новыми связями и, возвращаясь в свои страны (имея, кстати, европейские паспорта), потенциально становятся носителями серьезнейшей угрозы для безопасности Европы, Америки, других регионов, находящихся в тысячах километров от иракской или сирийской земли.

В частности, британский премьер-министр Д. Кэмерон заявил, что граждане Великобритании и других стран, воюющие на стороне исламистов (в том числе группировки ИГИЛ) в Ираке и Сирии и возвращающиеся домой, представляют

ЯШЛАВСКИЙ Андрей Эдуардович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (dosier@mail.ru)..

крупнейшую угрозу британской национальной безопасности¹.

Многие эксперты придерживаются мнения, что «проверенные в боях иностранные бойцы с большой долей вероятности эффективны в подготовке атак благодаря своим полученным за рубежом тренировке, знаниям, контактам и боевому опыту – также известному как “ветеранский эффект”» [1, р. 34]. В то же время возникает вопрос – насколько возвращающиеся с войны “ветераны” опаснее тех джихадистов, которые не покидают свою страну.

Существует точка зрения, которая предполагает, что не следует переоценивать угрозу превращения всех вернувшихся с войны (в данном случае в Сирии) европейских граждан в международных террористов. В частности, как утверждают исследователи Ш. Махер и П. Нойман, основываясь на изучении примерно 1 тыс. джихадистов, вернувшихся с предыдущих конфликтов, лишь 1 из 9 бывших боевиков действительно оказывается вовлечен в террористическую деятельность, тогда как большинство по тем или иным причинам (расставание с иллюзиями, психологическое беспокойство, усталость) не становятся террористами [2].

Конечно, можно согласиться с тем, что не следует “стричь под одну гребенку” всех участников боевых действий за рубежом на стороне радикальных исламистов. Однако отрицать полностью потенциальную опасность бывших боевиков, тем более сражавшихся под знаменами таких одиозных группировок террористического толка, как ИГИЛ или “Фронт ан-Нусра” – вряд ли разумно.

ДОБРОВОЛЬЦЫ ИЛИ “ДЖИХАД-ТУРИСТЫ” – КТО ОНИ?

Привлекший к себе особо острое внимание в связи с нынешними конфликтами в Сирии и Ираке феномен иностранных добровольцев, едущих воевать в тот или иной регион по идеологическим и/или религиозным соображениям, не является новым. Едва ли не каждый вооруженный конфликт в странах с мусульманским населением вызывает большой или меньший приток добровольцев-джихадистов из других стран. Так было во время войны в Боснии, в Афганистане во времена советского присутствия, в постсаддамовском Ираке, на российском Северном Кавказе и т.д. Во многом

именно эта традиция стала причиной появления “Аль-Каиды”, ведущей свое происхождение от так называемого “Бюро услуг” (*Maktab al-Khidamat*), своеобразного логистического центра, основанного в 1984 г. палестинцем Абдаллой Аззамом при финансовой помощи саудовца Усамы бен Ладена для поддержки арабских добровольцев, направляющихся для борьбы против советских войск в Афганистане. По мнению исследователя Т. Хеггхаммера, феномен иностранных бойцов представляет «насильственное ответвление качественно нового подтекста исламизма – популистского панисламизма, который возник в 1970-е годы как результат стратегических действий маргинализованных элит, задействованных в ненасильственных международных исламских организациях. В поиске политической значимости и увеличения бюджетов эти активисты, большинство которых базировалось в Хиджазе (Саудовская Аравия), пропагандировали алармистский дискурс, подчеркивая внешние угрозы мусульманской нации. Они также создали глобальную сеть благотворительности для осуществления межмусульманской помощи. Эти нормы и сети, созданные хиджазскими панисламистами, затем были применены арабскими активистами в 1980-е годы в Афганистане, чтобы рекрутировать иностранных бойцов во имя межмусульманской солидарности. Мобилизация “арабских афганцев” в свою очередь породила движение иностранных боевиков, которое существует по сей день» [3, pp. 56-57].

Феномен “джихад-туризма” (*jihadi tourism*) обсуждался и в экспертных, и в политических, и в медийных кругах задолго до начала гражданской войны в Сирии. В частности, в одной из депеш, обнародованных порталом утечек *WikiLeaks*, британские дипломаты в декабре 2009 г. выражали озабоченность тем, что граждане Великобритании сомалийского происхождения отправляются как “джихад-туристы” в южные районы Сомали². Более того, порой поездка исламистов на “джихад” могла действительно иметь именно туристические цели. Как отмечал, например, М. Сейджман, утверждают, что многие иностранцы, приезжавшие “помогать” афганским моджахедам воевать против СССР, “несерьезно относились к войне. Некоторые саудовские туристы приезжали, чтобы заслужить лавры джихада. Их поездка была организована так, чтобы они могли ступить на афганскую землю, сделать фотографию, как они стреляют из автомата, и быстро вернуться домой как герои Афганистана” [4, с. 67].

¹ *Cameron says foreign fighters in Iraq, Syria most serious threat to UK*. Reuters, 17 June 2014.

² Available at: <http://www.cbsnews.com/news/wikileaks-jihadi-tourism-worries-us-uk/> (accessed 10.03.2015).

В то же время есть основания говорить о беспрецедентном потоке иностранцев, перемещающихся в зонах конфликтов (от Африканского Рога и Ливии до Йемена и Ливии) [1, р. 34]. Сирия в этом отношении исключением не стала – с началом гражданской войны в эту страну потянулись “моджахеды” как из арабских стран, так и других государств, в том числе европейских и североамериканских. Сообщается о наличии в рядах воюющих в Сирии джихадистов и выходцев из нашей страны, а также из других стран постсоветского пространства (прежде всего имеются в виду центральноазиатские республики).

По состоянию на декабрь 2013 г. эксперты Международного центра по изучению радикализации (ICSR) констатировали, что количество иностранных боевиков, отправившихся в Сирию, превысило показатели любого другого конфликта после афганской войны [5, р. 7]. Спустя недолгое время стало очевидно, что это количество превзошло и войну в Афганистане.

Согласно опубликованному в начале апреля 2015 г. отчету ООН, с середины 2014 г. по март 2015 г. доля иностранных боевиков в таких группировках как “Исламское государство” и “Аль-Каида” выросла на 71%³. Настоящими “пансионатами” для экстремистов стали Сирия и Ирак, при этом значительное количество иностранных боевиков присутствует в Афганистане (6.5 тыс.), Йемене, Пакистане, Сомали и Ливии. Среди стран, граждане которых более всего представлены в рядах ближневосточных джихадистов, доклад называет Тунис, Марокко, Францию и Россию. Но есть и “экзотика” – в рядах боевиков растет число выходцев из Финляндии, с Мальдивских островов и даже из Тринидада и Тобаго.

Особое внимание иностранных (в том числе европейских) исламистов к сирийскому кризису отчасти объясняется его “доступностью” – как географической (близость к Европе), так и материальной (дешевизна дорожных расходов): “Джихадисты могут отдать предпочтение Сирии, а, например, не Мали, поскольку билет до Тимбукту стоит гораздо дороже, чем билет в Турцию, где до границы с Сирией можно добраться на автобусе” [1, р. 35].

Можно отметить также, что “удобство” сирийского конфликта, с точки зрения европейских иностранных бойцов, может выражаться в том, что конфликт происходит по большей части в городских условиях, к которым приезжие

джихадисты более привычны, нежели к суровым условиям партизанской войны в горах или пустынях.

Важным моментом служит и то, что асадовская Сирия, где власть сосредоточена главным образом в руках алавитов, которых джихадисты считают “еретиками”, как и вообще шиитов, представляет собой “идеального врага”. Вообще, приток иностранных боевиков связывается с усилением религиозной составляющей конфликта в Сирии в первой половине 2012 г., когда “межконфессиональная поляризация и распространившееся чувство заброшенности бессильным Западом в своем сочетании создали плодородную почву для радикализации исламистских идей. Иностранные бойцы стали стекаться в Сирию по тем же причинам: хотя закаленные странствующие джихадисты, конечно, могут присоединиться к борьбе где угодно, эскалация конфликта и сопутствующие жестокости против гражданского населения подвигли большое количество доселе не столь радикальных иностранных добровольцев взяться за оружие для поддержки сирийских братьев” [6, р. 248]. Но говоря о специфике войны в Сирии, не следует забывать и о той символической роли, которую эта страна представляет для мусульман-суннитов. “Страна Шам”, как ее именуют, в частности, исламисты, имеет большое значение в исламских эсхатологических представлениях. Именно здесь должна состояться битва правверных с Даджалом (мусульманским эквивалентом антихриста). К слову, базирующийся в Джакарте Институт политического анализа конфликтов (*Institute for Policy Analysis of Conflict*) объясняет мотивацию индонезийских джихадистов, приезжающих воевать в Сирию, именно эсхатологическими предсказаниями, согласно которым последняя битва перед концом света должна состояться в стране Шам.

Свою роль в привлечении иностранных добровольцев, несомненно, сыграло и провозглашение группировкой ИГИЛ “Халифата” на контролируемых ею территориях Сирии и Ирака.

Стоит упомянуть и о точке зрения, согласно которой одним из факторов, способствовавших масштабному проникновению зарубежных джихадистов в страну Шам, стало то, что Сирия в 2004–2007 гг. смотрела сквозь пальцы на передвижение иностранных боевиков через ее территорию в Ирак с целью присоединиться к иракскому крылу “Аль-Каиды”. Вероятно, джихадисты, проникшие в Сирию, не были новичками в своем деле, а, возможно, даже сохраняли старые кон-

³ *More than 25 000 foreign fighters joining Islamists: UN.* 02.04.2015. Agency France Press.

такты, помогающие привлекать бойцов из Ирака, стран Северной Африки и Европы [7].

Говоря об иностранцах, присоединяющихся к радикальным исламистским группировкам, воюющим в Сирии, представляется уместным использовать термин “иностранцы-бойцы”, а не “наемники”, поскольку в большинстве случаев основной мотивацией для их участия в войне служит религиозно-идеологический фактор, а не соображения материальной выгоды (хотя известно, что некоторые джихадистские группировки производят в том или ином масштабе денежные выплаты своим боевикам).

По вполне понятным причинам, имеющиеся в распоряжении исследователей данные о демографических и социально-экономических характеристиках европейских джихадистов являются неполными. По некоторым оценкам, около 6% иностранных бойцов из стран Евросоюза – это немусульмане, принявшие ислам. Многие являются представителями второго или третьего поколения иммигрантов, мало кто из них имеет прямое отношение к Сирии. Около 18% европейцев, приезжающих к радикальным исламистам в эту страну, составляют женщины. Средний возраст иностранных бойцов из европейских государств – 18–29 лет (для сравнения, иностранные добровольцы в Афганистане в среднем были в возрасте 25–35 лет) [8, p. 12].

Большинство нынешних иностранных бойцов – естественно, мужчины. В то же время ИГИЛ привлекает из-за рубежа гораздо больше женщин, чем другие джихадистские группировки (по оценкам, 10–15% иностранных рекрутов “Исламского государства” составляют женщины, являющиеся частью своеобразного “матримониального джихада”) [9]. Известны случаи, когда в Сирию переправлялись девушки-школьницы из Великобритании, желавшие присоединиться к “Исламскому государству” (февраль 2015 г.). Есть информация о том, что некоторые женщины – гражданки европейских стран отправляются на контролируемую джихадистами территорию Сирии вместе с детьми⁴.

Численность иностранных джихадистов, приезжающих воевать в Сирию и Ирак, до конца неизвестна, поскольку точных данных на этот счет нет. Речь может идти о приблизительных оценках. В частности, в марте 2015 г. премьер-министр Франции М. Вальс заявил, что в Ираке и Сирии

воюет около 3 тыс. европейцев, но к концу года эта цифра может, по его словам, вырасти втрое⁵. При этом в 2014 г. МВД Франции оценивало численность французских граждан, устремившихся в Сирию, примерно в 700 человек, причем около 15% из них составляли женщины с детьми, поехавшие сопровождать своих мужей.

Президент США Б. Обама утверждал, ссылаясь на данные разведки, что в Сирию отправилось более 15 тыс. иностранных боевиков из 80 стран, причем большая часть из них присоединяется к группировкам ИГИЛ и “Фронт ан-Нусра”. А по оценкам экспертов Международного центра изучения радикализации (ICSR), на начало 2015 г. количество иностранных боевиков, присоединившихся к суннитским радикальным организациям в Сирии и Ираке, достигло 20 тыс. человек (при этом примерно пятую часть из них – то есть около 4 тыс. – составляют жители или граждане западноевропейских стран).

Большая часть этих боевиков – граждане арабских, а также мусульманских стран Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Так, по оценкам А. Зелина, самые значительные по численности контингенты иностранных боевиков представляют граждане соседних с Сирией стран (иракцы, ливанцы, палестинцы, иорданцы), многие из которых имеют опыт военных действий в Ираке. На втором месте, согласно этим оценкам, находятся боевики из стран Северной Африки (Ливии, Туниса и Алжира) [7].

При этом больше всего европейских рекрутов для джихадистов “поставляют” Великобритания (500–600), Германия (500–600) и Франция (1200), в то же время по количеству добровольцев на душу населения лидируют Бельгия (40 на 1 млн. жителей), Дания (27 на 1 млн. жителей) и Швеция (19 на 1 млн. жителей)⁶. Как показывают эти цифры, джихадистской радикализации в европейских странах подвержен “лишь статистически маргинальный сегмент местного мусульманского населения” [10, p. 105].

Хотя большинство европейцев, участвующих в “джихаде” в Сирии и Ираке, имеют неевропейское этническое происхождение (арабы, турки, пакистанцы, чеченцы и др.), это самое происхождение

⁵ Jihad: “3.000 Européens” actuellement en Syrie et en Irak, selon Manuel Valls / 08/03/2015. Available at: <http://www.bfmtv.com/politique/jihad-3-000-europeens-actuellement-en-syrie-et-en-irak-selon-manuel-valls-867862.html> (accessed 10.03.2015).

⁶ Available at: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/> (accessed 19.03.2015).

⁴ Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/03/150317_holland_chechen_mother_children_is (accessed 20.03.2015).

не может служить достаточным объяснением их мотивации при отправке в район боевых действий. Говоря о европейцах, устремляющихся воевать в рядах джихадистов на Ближний Восток, отдельно стоит выделить тех, кто изначально не принадлежал к исламской общине. Можно привести, в частности, пример погибших в Сирии братьев Николая и Жан-Даниэля Бон, этнических французов, выросших в католической семье и принявших ислам.

В известном смысле такие неопиты могут проявлять большее религиозное рвение, чем выходцы из мусульманских семей. Тем более, что, по мнению голландского юриста и криминолога К. Андерсона, многие иностранные рекруты ИГИЛ настоящему не очень религиозны или во всяком случае не религиозны в традиционном смысле: «Скорее, они отвергают ислам своих родителей, который рассматривают как “чересчур мягкий” или “испорченный западной культурой” – в пользу самостоятельно усвоенной форме радикальной, насильственной, романтической исламистской воинственности. Два джихадиста из Бирмингема, собиравшиеся примкнуть к ИГИЛ даже приобрели в онлайн-магазине *Amazon* книги “Ислам для чайников” и “Коран для чайников”, прежде чем отправиться в Сирию» [9].

Проблема участия иностранных граждан в конфликтах на Ближнем Востоке имеет серьезное значение и для нашей страны. Известно, что в сирийской гражданской войне активное участие принимают боевики-исламисты из различных регионов России, прежде всего с Северного Кавказа. По оценкам экспертов *ICSR*, на стороне джихадистов на Ближнем Востоке воюют от 800 до 1500 граждан РФ. В частности, стоит упомянуть о группировке “Джейш-аль-Мухаджирин валь-Ансар”, ранее известной как “Катаиб аль-Мухаджирин” и возникшей под руководством Умара аш-Шишани (Умара Чеченского). В ноябре 2013 г. джихадистские вебсайты сообщили о том, что возглавляемая Умаром аш-Шишани группировка присягнула лидеру ИГИЛ аль-Багдади. Северокавказские исламисты участвуют в боевых действиях в союзе как с “Фронтом ан-Нусра”, так и “Исламским государством”, вовлекаясь и в распри между двумя этими экстремистскими группировками и испытывая внутренние расколы.

Согласно исследованиям, проведенным лондонским Международным центром по изучению радикализации, более 2/3 боевиков, ставших объектами изучения, были связаны либо с “Фронтом ан-Нусра”, либо с ИГИЛ [5, 11]. При этом, судя по имеющимся данным, именно ИГИЛ является главным “реципиентом”, получающим самое большое коли-

чество иностранных добровольцев, в то время как другая джихадистская, аффилированная с “Аль-Каидой” группировка “Фронт ан-Нусра”, имея большой контингент иностранных боевиков, в том числе из стран Западной Европы, все же рассматривается сирийцами скорее как местная. Так, британский гражданин Абдул Вахид Маджид (известный также как Абу Сулейман аль-Британи) совершил суицидальный теракт против сил президента Б. Асада во время совместной операции “Фронта ан-Нусра” и “Исламского фронта” в Алеппо [11, р. 11].

Судя по имеющимся данным, иностранные джихадисты составляют костяк боевиков ИГИЛ, воюющих в Сирии, особенно в руководстве группировки. По некоторым оценкам, в рядах ИГИЛ состоит до 80% “мухаджиров” (иностранцев боевиков), участвующих в сирийской гражданской войне [12, р. 21]. Здесь надо иметь в виду, что к этому числу относятся и добровольцы из арабских и мусульманских стран (таких как Турция, Индонезия и др.). ИГИЛ расценивается как лучше организованная группировка, лучше снабжаемая и более приспособленная к приему иностранцев, не говорящих по-арабски [8, р. 15].

В то же время есть основания предполагать, что многие бойцы, приехавшие из западных стран, порой расцениваются джихадистами как бесполезные, поскольку не имеют боевого опыта в противоположность другим иностранным боевикам (в частности, выходцам с Северного Кавказа, имеющим опыт боевых действий в Чечне, или арабам, воевавшим в Ираке и Ливии). Отчасти поэтому выходцев с Запада часто используют для совершения суицидальных терактов [8, р. 15]. Судя по имеющейся информации, лишь малая часть европейских джихадистов имела боевой опыт до отправки в район боевых действий, при этом есть данные о том, что некоторые из них проходили перед поездкой в “горячую точку” физическую подготовку, изучали методы выживания и т.д. В то же время участие европейских бойцов широко используется в пропагандистских материалах (см., например, распространяемые видео с казнями пленников, в которых непосредственное участие принимают, в частности, граждане Великобритании и Франции).

УЧАСТИЕ В “ЧУЖОЙ ВОЙНЕ”: ПОЧЕМУ?

Критически важным является вопрос, почему молодые люди из Европы и Северной Америки отправляются воевать на стороне джихадистов в Сирию и Ирак. Кто вступает в их ряды для учас-

тия в “чужой” войне на Ближнем Востоке? Что служит для них мотивацией? Какую роль в радикализации молодых мусульман из Европы играют социальные медиа и Интернет?

Как справедливо отмечают турецкие исследователи Т. Кардаш и Э.Б. Эздемир, изучение проблем, связанных с иностранными бойцами, прибывающими воевать на стороне радикальных исламистов в Сирию, находится в эмбриональном состоянии [11, p. 10].

Тем не менее можно выделить ряд факторов, которые помогают понять причины возникновения феномена “иностранных бойцов” из стран Европы, пополняющих ряды сторонников экстремистских группировок в странах Ближнего Востока.

Отчасти этот феномен связан с особенностями жизни европейских мусульман. По оценкам исследователей, мусульмане составляют примерно 5% от общего количества европейских жителей. Таким образом, в целом по Европе мусульмане продолжают оставаться религиозным меньшинством. Соответственно проблема взаимоотношений между большинством (представленным автохтонным населением европейских стран) и меньшинством (иммигранты и/или их потомки) существует, имея различные измерения (религиозное, культурное, этническое, социальное и т.д.). Автор книги “Ислам в Европе: интеграция или маргинализация?” Р. Поли пишет о “фундаментальном общественном водоразделе между христианским и мусульманским сегментами населения” в современной Западной Европе: “Эти разграничения, в свою очередь, выросшие из религиозных так же, как и из этнических, расовых и социально-экономических различий, настраивают представителей большинства, состоящего из местных уроженцев, против групп неевропейского меньшинства” [13, p. 2].

Маргинализация и кризис идентичности мусульманской молодежи в Европе, чувствующей себя отчужденной от местного общества, создает благоприятные условия для вербовки молодых иммигрантов в экстремистские и террористические организации. Вербовка молодежи в экстремистские группировки осуществляется, как правило, в ходе личных контактов и встреч единомышленников. В роли вербовщиков могут выступать имамы или боевики, имеющие опыт джихада в Ираке и Афганистане. На формирование мировоззрения молодых мусульман оказывают влияние исламистские сайты, к которым весьма легко получить доступ. То, что плодами подобной вербовки может быть не только участие европей-

ских граждан, исповедующих ислам, в различных региональных конфликтах, но и злонамеренные действия против собственно европейских государств, красноречиво продемонстрировали *террористические акты в Мадриде и Лондоне*, осуществленные экстремистски настроенными исламистами, имеющими европейские паспорта. Нельзя не вспомнить также о так называемой *гамбургской ячейке*, созданной в Германии и ставшей основной оперативной базой громких террористических актов против США, осуществленных 11 сентября 2001 г. Местами встреч членов этой ячейки “были мечети, имамы которых вдохновлялись афганским джихадом, в частности харизматическим Усамой бен Ладеном... Германия стала излюбленным местом расселения мусульманских активистов в годы, предшествовавшие атаке против США. Немецкая юридическая система, в которой очень высокая требовательность по части доказательств, защищает подозреваемых в преступлениях, работая на руку многочисленным темным фигурам” [14, pp. 241-242].

Вопреки стереотипным представлениям многих европейцев о том, что “мусульмане – это террористы”, совершенно очевидно, что подавляющее большинство европейских мусульман не имеет никакого отношения ни к терроризму, ни к экстремизму, ни к религиозному радикализму. Однако нельзя не признавать, что именно в Европе вполне вольготно чувствуют себя проповедники самых радикальных прочтений ислама. “Большинство ведущих исламистов, за некоторыми из которых на их родине числятся уголовные преступления, живут в Европе, злоупотребляя правом на политическое убежище, – отмечает германский политолог Б. Тиби. – Нет ни одной значительной фундаменталистской организации в Средиземноморском регионе, которая не была бы представлена офисом или лидером в Лондоне или какой-нибудь другой европейской, например скандинавской, столице. Надо честно признать, что исламистские группировки используют в качестве своего инструмента мусульманские диаспоры в Европе для обеспечения своих тылов, так что могут действовать как рыба в воде. Они создают помехи для интеграции мусульман-мигрантов” [15, pp. 204-205].

При попытках осмыслить феномен европейских “иностранных бойцов”, собирающихся воевать на стороне джихадистов, “большинство суждений фокусируются на роли джихадистской идеологии и радикализации в качестве мотивации этих рекрутов. Это ведет к упрощению и редуцированию сложных факторов, действующих на

сообщества европейских мусульман извне и снаружи”, считает А. Ахмед из Американского университета (Вашингтон), указывая на то, что европейские мусульмане, отправляющиеся на войну, как правило, принадлежат ко второму или третьему поколению иммигрантских сообществ с Ближнего Востока или из Южной Азии. Эти поколения могут быть уязвимы, поскольку они находятся в той точке, когда теряется культура их предков, а сами они еще не полностью абсорбированы или приняты страной, в которой живут, хотя и являются ее гражданами. Многие европейские иммигранты и их потомки испытывают существенные структурные проблемы при интеграции в общество, проживая в экономически депрессивных районах без доступа к возможностям обучения и занятости [16].

Как считает А. Ахмед, религиозные лидеры мусульманского сообщества в европейских странах не могут осуществлять руководство молодежью: когда молодые люди испытывают необходимость обсудить свои проблемы, молодежь находит трудным, если не невозможным говорить об этом с имамом в местной мечети. Слишком многие имамы, приехавшие недавно из-за рубежа, плохо знакомы с европейской историей и культурой. Часто они не говорят свободно на местном европейском языке. Так что когда молодые мусульмане приходят к ним поговорить о социальных проблемах, стоящих перед европейской молодежью (алкоголь, наркотики, секс, агрессия со стороны сверстников), у имамов нет представлений о том, что можно посоветовать им. При этом родители молодых мусульман-европейцев в своем стремлении закрепиться экономически в европейском обществе оказываются разобщены со следующим поколением.

Есть также внешние факторы, которые имеют значение для мотивации молодых мусульман, присоединяющихся к ИГИЛ, отмечает А. Ахмед, указывая также на общую исламофобию в западных обществах, возросшую особенно после терактов “9/11” 2001 г. [16].

Действительно, было бы неверным отрицать наличие в западноевропейских обществах тенденций, которые можно было бы охарактеризовать как близкие к исламофобским. Некоторые исследователи склонны рассматривать исламофобию как новую форму расизма в Европе, указывая на появление в прессе таких выражений, создающих негативный образ ислама, как “исламский терроризм”, “исламские бомбы”, “насильственный ислам”. В 2002 г. Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии выпустил доклад

“Суммарный отчет об исламофобии в ЕС после 11 сентября 2001 г.”, отмечавший рост в европейских странах количества инцидентов, имеющих отношение к исламофобии. В 2008 г. генеральный секретарь Совета Европы Т. Дэвис со ссылкой на результаты исследования Центра Пью заявил, что в Европе стало больше антисемитизма и нетерпимости к исламу, в некоторых странах почти половина граждан высказывает негативные взгляды в отношении евреев и мусульман⁷. Подобные проявления имеют различный характер – от бытового до политического, от латентного до экстремистского. Практически в любой европейской стране действуют политические партии, с той или иной степенью радикализма выступающие против иммиграции прежде всего из исламского мира, а опросы общественного мнения показывают, что в реальной жизни межконфессиональные отношения в Западной Европе далеки от политкорректного идеала.

Столкновение с проявлениями исламофобии нередко внушает молодым мусульманам чувство, что они живут в окружении, от которого постоянно приходится обороняться. “СМИ высмеивают исламскую религию, ее Бога, ее Пророка, ее Священную книгу и обычаи”, – утверждает А. Ахмед, делая вывод, что молодого мусульманина, который может быть уже рассержен своей социальной ситуацией, порожденной упомянутыми выше структурными проблемами, исламофобия отталкивает от общества и углубляет чувство отчужденности. В свою очередь, все это может породить веру, что вдали от чуждой Европы есть Исламское государство, которое обещает лучшую жизнь [16].

Говоря о том, что многие молодые мусульмане из Европы присоединяются к ИГИЛ, А. Ахмед высказывает мнение, что они также являются субъектами того, что можно назвать “фактором Хемингуэя” (имеется в виду участие Э. Хемингуэя в числе многих американцев в гражданской войне в Испании против Франко). По версии А. Ахмеда, “сходным образом, многие мусульмане видят то, что Асад сделал в Сирии (...) и безразличие и бездействие Запада. Они теряют веру в свои правительства” [16].

Некоторые европейцы, отправляющиеся на войну в Сирию или Ирак, расценивают свои действия как “милитаризованную форму гуманитарной помощи” единоверцам, страдающим от жестокости противников [1, р. 35].

⁷ ИТАР–ТАСС ПЛАНЕТА. 19.09.2008.

Говоря о “факторе Хемингуэя”, не следует забывать о том, что в зоны конфликтов (в данном случае в Сирии и Ираке) едут не только сторонники суннитских джихадистов. Иностранцы добровольцы, в том числе из стран Европы, по идеологическим соображениям иногда даже направляются сражаться на стороне тех сил, которые противостоят ИГИЛ и аналогичным группировкам. В СМИ, в частности, сообщалось о гражданах Великобритании, отправившихся в Сирию сражаться на стороне курдских ополченцев⁸.

А по оценкам израильского Информационного Центра изучения терроризма (*Meir Amit Intelligence and Information Center*), на стороне сирийского президента Б. Асада могут сражаться от 7 до 8 тыс. шиитских иностранных бойцов⁹. Речь в данном случае может идти главным образом о гражданах Ливана, Ирака и Ирана. По данным на май 2014 г., лишь одна ливанская “Хизбалла” направила в Сирию от 3 до 4 тыс. бойцов [17, p. 11].

На более глубоком психологическом уровне существует проблема “поиска себя” молодыми людьми, вопроса их самоидентификации – и это тоже надо рассматривать в контексте попыток понять, что заставляет граждан Европы устремляться воевать на Ближний Восток.

Как отмечает американский военный психолог Дж. Венхаус, способность “Аль-Каиды” обратить молодых людей, ищущих себя, к насилию коренится в глубинной природе их поисков. “Основываясь на том, что они ищут, они попадают в одну из четырех больших категорий: ищущие мести, ищущие статус, ищущие идентичность, искатели острых ощущений” [18]. И, по мнению исследователей Т. Кардаша и Э.Б. Эздемира [11, p. 12], все сказанное справедливо и по отношению к сирийскому конфликту: “искатели мести” находят выход своей фрустрации, испытываемой от чувства солидарности с единоверцами, страдающими, с их точки зрения, от рук “неверных правителей”; те, кто ищет статус, получают “репутацию” и “престиж”, информируя о своем участии в войне через Интернет; искатели идентичности получают признание в местном сообществе и за его преде-

лами; а искатели острых ощущений имеют возможность вырваться из скучной повседневности в “мир военных приключений”. Есть и те, кто движим нарциссизмом. “Они страдают от нарциссических ран, причиненных им такими явлениями, как дискриминация, маргинализация или же чувством, что их не уважают так, как они того заслуживают – для таких людей ИГИЛ представляет возможность повысить статус” [9].

ВИРТУАЛЬНАЯ ВОЙНА: РОЛЬ ИНТЕРНЕТА И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Захватившее значительные территории в Сирии и Ираке “Исламское государство” с не меньшим упорством ведет войну и в Интернете, широко используя возможности социальных сетей и иных веб-ресурсов для пропаганды своих взглядов и своих действий. Вряд ли будет преувеличением сказать, что во многом именно благодаря распространяемой в соцсетях и на онлайн-форумах пропаганде сотни молодых людей из Европы, Северной Америки, Австралии, стран постсоветского пространства (и Россия в этом смысле не исключение) едут, чтобы воевать на стороне джихадистов на сирийской или иракской земле. Большинство рекрутов, отправляющихся воевать под знаменами джихадистов в Сирию, устанавливают контакт с экстремистскими группировками через Интернет, а не через радикальные мечети (как это было прежде). Итальянский исследователь Л. Видино отмечает, что большинство европейских джихадистов не были связаны с крупными мечетями, а ключевую роль во всей их деятельности играл Интернет – от радикализации до оперативной фазы [10, pp. 78-79].

По данным голландских спецслужб, количество участников влиятельных джихадистских интернет-форумов оценивается примерно в 25 тыс. человек из более чем ста стран мира¹⁰. Большинство таких форумов действуют в так называемой *невидимой Сети*, той части *Всемирной паутины*, которая не индексируется и не может быть найдена доступными поисковиками. На этих форумах подводится фундамент под радикальные взгляды, оправдывается применение насилия против врагов “истинного” ислама (как его понимают экстремисты).

Интернет как инструмент пропаганды и борьбы идеологи радикального джихадизма осознавали

⁸ Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/03/150314_kurds_western_volunteers (accessed 17.03.2015).

⁹ Israeli Study of Foreign Fighters in Syria Suggests Shiites May Outnumber Sunnis. *The Washington Post*. 02.01.2014. Available at: <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2014/01/02/israeli-study-of-foreign-fighters-in-syria-suggests-shiites-may-outnumber-sunnis/> (accessed 23.03.2015).

¹⁰ Available at: https://www.aivd.nl/publish/pages/2401/samenvatting_jihadistisch_internet_eng.pdf (accessed 18.03.2015).

давно, еще со времени, предшествовавшего терактам 2001 г., однако развитие социальных сетей, особенно сервиса микроблогов *Twitter*, позволило экстремистам еще более эффективно использовать возможности современных коммуникаций.

Пожалуй, главное направление использования экстремистами современных компьютерных коммуникаций – это пропаганда своих идей в Интернете, а также связанное с этим рекрутирование новых последователей, прежде всего в молодежной среде. Пропагандистский эффект усиливается тем, что Интернет дает возможность не только предоставлять текстовую информацию, но и распространять видеоролики, аудиозаписи, фотографии, иную графическую информацию. Террористы умело формируют собственный привлекательный имидж (изображая себя как объект, достойный всяческого подражания) и образ тех, кого они считают своими врагами. Несомненно, одним из факторов мотивации европейцев, прибывающих на джихад в Сирию, становится реакция на приходящие из этой страны сообщения о творящихся здесь жестокостях гражданской войны (само собой, все жестокости приписываются действиям режима). Этому, в частности, способствует распространение в Интернете через социальные сети шокирующих фотографий и видеоматериалов.

«Это помогает объяснить, почему такие экстремистские группировки, как ИГИЛ, очень активны в социальных медиа с обновляемыми страницами в *Facebook*, видео из *YouTube* и аккаунтами в *Twitter*... Во многих случаях Интернет действует по крайней мере как “ускоритель радикализации”», считают Т. Кардаш и Э.Б. Эздемир [11, р. 12].

Спецификой участия западных боевиков в войне на стороне радикальных исламистов в Сирии становится то, что это, пожалуй, первый вооруженный конфликт, в котором большое количество боевиков-джихадистов из стран Запада документируют свое участие в конфликте в режиме реального времени в Интернете, а социальные медиа становятся не только важным источником информации, но и вдохновения для этих людей [5, р. 29]. Более того, есть основания согласиться с теми авторами, кто полагает, что “ИГИЛ выигрывает в онлайн-войне” [8, р. 7].

Вряд ли случайным является то, что наиболее шокирующие видеоматериалы с казнями пленников были сняты с участием иностранных боевиков, в том числе гражданами стран Западной Европы. Наибольшую известность получил “Джихадист Джон”, под маской которого скрывается британ-

ский гражданин кувейтского происхождения Мохаммед Эмвази. Именно он, как считается, обезглавил американских журналистов Дж. Фоули и С. Сотлофа, а также британских заложников Д. Хейнса и А. Хеннинга и др. А в марте 2015 г. Франция начала расследование обстоятельств, связанных с видеозаписью, которую распространяло ИГИЛ. На ней показано, как убивают заложника, израильского араба, обвиненного в шпионаже в пользу Израиля. При этом французский джихадист, участник события, произносит угрозы в адрес евреев, живущих во Франции. По предварительным данным, джихадиста зовут Сабри Эссид, и он приходится братом Мохаммеду Мера, который в 2012 г. застрелил на юге Франции 7 человек (в том числе троих военных, раввина и троих детей в еврейской школе). При этом есть вероятность того, что запечатленный на упомянутой видеозаписи мальчик, застреливший пленника, может быть приемным сыном Мера¹¹.

Как отмечают авторы исследования, проведенного *ICSR*, официальные аккаунты джихадистских группировок представляют лишь один из многих источников, откуда иностранные бойцы черпают информацию о сирийском конфликте, при этом все большую популярность в Интернете получают так называемые распространители (*disseminators*) – не связанные с какими-то конкретными структурами (порой даже дистанцирующиеся от них), но в целом сочувствующие экстремистам личности. Такие “распространители”, к примеру, переводят с арабского языка на английский (или другие европейские языки) послания, которые публикуются на официальных аккаунтах экстремистских группировок, доводя пропаганду джихадистов до не говорящей по-арабски аудитории. Вдобавок у “распространителей” есть возможность взаимодействовать с их читателями (реагировать на комментарии, обмениваться мнениями и т. д.) [5, pp. 16-17].

Отмечается также, что сирийский конфликт произвел в интернет-пространстве ряд новых духовных лидеров, на которых обращены взгляды западных (и в частности европейских) “рекрутов джихада” в поиске наставлений и воодушевления. Их распространяемые через Интернет проповеди стали важным источником религиозной и политической поддержки для жителей Запада, отправляющихся воевать в Сирию на стороне радикальных исламистов [5, р. 8]. В частности, наиболее известными считаются живущий в США Ахмад Муса

¹¹ Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/03/150310_france_investigates_is_killing_video. (accessed 30.03.2015).

Джибрил и австралийский проповедник Муса Черантонио. На их аккаунты в *Twitter* подписаны 60% и 23% иностранных бойцов соответственно [5, p. 19].

Говоря о приемах, с помощью которых джихадистские идеологи при помощи интернет-ресурсов пытаются завлечь молодых европейских мусульман, Р. Бриггс и Т. Сильверман из лондонского Института стратегического диалога указывают на существование набора используемых нарративов [8, pp. 16-18].

В частности, они выделяют **гуманитарный** нарратив (интерпретацию), содержащий в качестве “мессиджа” утверждения о “жестокости режима” (“режим нападает на мирных граждан”, “преднамеренно убивает детей”, “насилует женщин”, “оскверняет тела павших”, “оскверняет священные места” и т. д.) и “героизме бойцов” (“они защищают слабых”, “их приветствуют как освободителей”). Примером использования такого нарратива служит деятельность группировки “Фронт ан-Нусра”, которая участвует в гражданских проектах, поставках предметов первой необходимости местным жителям, участвует в гуманитарных программах с целью привлечь симпатии людей.

Далее, выделяется **идеологический** нарратив, эксплуатирующий такие темы, как “ислам под ударом” (“идет глобальная война против ислама и всех настоящих мусульман”), «ислам находится под ударом “ближнего врага” (то есть “отступнических” правительств в мусульманских странах)», «ислам находится под ударом “дальнего врага” (то есть Запада)», “большинство режимов и лидеров, именующих себя мусульманскими, на самом деле – инструменты в руках врага”), “ислам – путь к миру” (“Только исламские общества по-настоящему справедливы”, “демократия – это обман и (она) несовместима с исламом”), “долг сражаться” (“это религиозная обязанность всех считающих себя мусульманами для защиты ислама и борьбы за создание чистого исламского халифата под законом шариата”). ИГИЛ регулярно использует религиозный нарратив, прославляя джихад. Часто в социальных медиа публикуются фотографии погибших соратников с описанием их “мученичества”, в то же время – по контрасту в Интернете размещаются фото и видеокadres с изображением убитых противников (в том числе и обезглавленных).

И, наконец, нарратив **идентичности**. Здесь в качестве “мессиджа” используются следующие темы: осуждение тех, кто не хочет ехать на войну (“все, что вы делаете сегодня, бессмысленно”, “те, кто остается – трусы, ищущие предлоги не

воевать”), “это сделает тебя лучше, сильнее” (“ты уедешь туда мальчиком, вернешься мужчиной”, “завоеешь уважение как герой или мученик”, “боевое товарищество”, “нет дружбы крепче, чем та, которая возникает на войне”, “на поле боя все мусульмане – братья и сестры”), “ты найдешь приключение” (“война возбуждает”, “война – это круто, компьютерная игра в реальной жизни”). Джихадистские пропагандисты активно используют, в частности, элементы поп-культуры, например популярные среди молодежи видеоигры. Использование видеокамер *Go-Pro* позволяет зрителю видеть происходящее глазами боевика – почти как в компьютерных играх типа *Call of Duty*.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Являются ли преувеличенными опасения, что вернувшиеся с Ближнего Востока европейские “ветераны джихада” станут применять полученные на войне навыки для совершения террористических актов и иной подрывной деятельности в странах Европы? Даже если сделать скидку на раздувание этих опасений в СМИ и высказываниях политиков самого разного уровня, то все же приходится признать, что опасения имеют под собой почву. И тогда возникает вопрос – есть ли эффективные механизмы, которые могли бы предотвратить, с одной стороны, радикализацию европейской мусульманской молодежи в принципе и отъезд их на войну, в частности. А с другой стороны – предотвратить опасность применения полученных навыков на европейской почве.

Предлагаемые механизмы варьируются от превентивных до карательных. Так, мэр Лондона Б. Джонсон предложил арестовывать британцев, возвращающихся с войны в Сирии и Ираке как представляющих угрозу национальной безопасности: «Нам необходимо сделать кристально ясным, что вы будете арестованы, если едете в Сирию или Ирак без хорошей причины. В настоящее время полиция обнаружила, что очень трудно остановить людей, отправляющихся рейсом через Германию, пересекающих границу, совершающих свой жуткий “джихад-туризм”, и возвращающихся назад» [19]. Впрочем, эта инициатива Б. Джонсона встретила критический прием и была охарактеризована как контрпродуктивная и опасная [2] – в частности, на том основании, что европейские граждане, отправляющиеся в зону конфликта, не представляют собой однородную группу.

Как отмечает К. Андерсон, иностранных бойцов, в том числе воюющих на стороне ИГИЛ, можно условно подразделить на “фанатиков” и

“наивных”. По его мнению, часть рекрутов присоединяются к ИГИЛ из истинного чувства фанатизма и воинственности, при этом многие другие иностранные бойцы ИГИЛ могут в действительности быть наивными насчет того, что на самом деле представляет собой война в Сирии [9].

Несмотря на декларируемые и предпринимаемые усилия по ограничению свободного возвращения в свои страны европейских “ветеранов джихада” на Ближнем Востоке, существуют вполне обоснованные, на наш взгляд, опасения, что, помимо традиционных путей возвращения домой, европейские джихадисты могут воспользоваться путями, по которым нелегальные иммигранты из стран Третьего мира попадают в Европу (в том числе через Средиземное море).

По мнению А. Ахмеда, в противодействии радикализации молодых европейцев-мусульман “ключевая роль принадлежит европейским правительствам”: они могут выдвинуть специальные инициативы, призванные уменьшить опасения молодых мусульман, включить их в различные программы и предоставить возможность заработка. Правительства должны использовать любую возможность проявить уважение к широкому мусульманскому сообществу. Европейские правительства должны тесно сотрудничать с мусульманскими лидерами в местных сообществах для создания доверия [16].

В то же время в европейских странах разрабатываются программы, предусматривающие значительную роль местных сообществ в процессе интеграции мусульман в европейскую общественную жизнь, равно как и в деле идентификации возвращающихся бойцов и выделения из их числа тех, кто может представлять серьезную угрозу [17, p. 29]. Государственным органам необходима помощь сообществ в долгосрочном мониторинге точек зрения и деятельности тех из вернувшихся

бойцов, которые расцениваются как потенциальные носители проблем.

Во Франции, например, было объявлено о создании колл-центра, куда можно было бы обращаться в случае озабоченности в связи с радикализацией членов семей. А в январе 2015 г. французское правительство в рамках борьбы с вербовкой джихадистами через Интернет выпустило двухминутный видеоролик, призванный объяснить молодым европейцам, почему не стоит присоединяться к исламистам на Ближнем Востоке. В этом видеоматериале среди прочего показаны жестокие сцены боев и казни, при этом авторы видеоролика предупреждают, что иностранные бойцы, решившиеся присоединиться к джихадистам, будут соучастниками убийств мирных жителей и, скорее всего, обречены на смерть вдали от родины.

Трудно сказать, насколько эффективными в перспективе могут оказаться такие методы воздействия на представителей европейской мусульманской молодежи. Но можно в принципе согласиться с мнением, что “корни террористического движения XXI в. (...) нельзя выкорчевать простыми топорами. Кроме военных и социальных усилий, это потребует напряженной интеллектуальной и религиозной работы – возможно, межконфессионального движения, призванного определить истинные пути к Богу, которое переубедит столько же новообращенных террористов, сколько военные смогут найти и уничтожить. Самых фанатичных боевиков скорее обнаружат в хороших школах и в Интернете, чем в трущобах. Они являются участниками романтизированного движения, ведомого религиозной доктриной, поэтому нам нужно удвоить усилия, чтобы расшатать интеллектуальный фундамент этого движения и остановить приток новых террористов” [20, сс. 494-495]. Та же мысль вполне применима и к проблеме иностранных бойцов, приезжающих из Европы воевать на Ближний Восток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Gehem M., Marten Ph., Maas M., Schellekens M. *Balancing on the Brink: Vulnerability of States in the Middle East and North Africa*. The Hague: The Hague Centre for Strategic Studies, 2014. 58 p.
2. Maher Sh., Neumann P. Boris Johnson's Proposal for British Fighters in Syria and Iraq is Dangerous and Counterproductive. *The Independent*, 26 August 2014. Available at: <http://www.independent.co.uk/voices/comment/boris-johnsons-proposal-for-british-fighters-in-syria-and-iraq-is-dangerous-and-counterproductive-9692303.html> (accessed 17.03.2015).
3. Hegghammer T. The Rise of Muslim Foreign Fighters: Islam and the Globalization of Jihad. *International Security* 35, no. 3 (Winter 2010/11), pp. 53-94.
4. Сейджман М. *Сетевые структуры терроризма*. Пер. с англ. Москва, 2008. 224 с. [Engl. edition: Sageman M. *Understanding Terror Networks*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2004. 232 p.]
5. Carter J.A., Maher Sh., Neumann P.R. *Greenbirds: Measuring Importance and Influence in Syrian Foreign Fighter Networks*. London, The International Centre for the Study of Radicalization and Political Violence, 2014. 32 p.

6. Hashemi N., Postel D., eds. *The Syria Dilemma*. Boston, Massachusetts Inst. Technology, 2013. 272 p.
7. Zelin A.Y. *Foreign Fighters Trickle into the Syrian Rebellion*. June 11, 2012. Available at: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/foreign-fighters-trickle-into-the-syrian-rebellion> (accessed 17.03.2015)
8. Briggs R., Silverman T. *Western Foreign Fighters: Innovations in Responding to the Threat*. London, Institute for Strategic Dialogue, 2014. 59 p.
9. Anderson K. A Portrait of an ISIS Foreign Fighter. *The Daily Star (Lebanon)*. October 27, 2015. Available at: <http://www.dailystar.com.lb/Opinion/Commentary/2014/Oct-27/275421-a-portrait-of-an-isis-foreign-fighter.aspx> (accessed 23.03.2015).
10. Vidino L. *Home-Grown Jihadism in Italy: Birth, Development and Radicalization Dynamics*. Foreword by Stefano Dambrosio. Milano, ISPI – Istituto per gli Studi di Politica Internazionale, 2014. 106 p.
11. Kardaş T., Ö.B. Özdemir. *The Making of European Foreign Fighters: Identity, Social Media and Virtual Radicalization. Analysis. October 2014, no. 11*. SETA – Foundation for Political, Economic and Social Research, Ankara, 2014. 22 p.
12. Al-Tamimi A.J. The Islamic State of Iraq and Al-Sham. *Middle East Review of International Affairs*, vol. 17, no. 3 (Fall 2013), pp.19-44.
13. Pauly R.J. *Islam in Europe: integration or marginalization?* Aldershot, Ashgate Publ., 2004. 191 p.
14. Kepel G. *The War for the Muslim Minds*. Cambridge, 2004. 336 p.
15. Tibi B. *Islam between Culture and Politics*. Houndmills, Palgrave, 2001. 271 p.
16. Akbar A. *Why Are European Muslims Joining ISIS?* November 18, 2014. Available at: http://www.huffingtonpost.com/akbar-ahmed/why-are-european-muslims-_b_6175334.html (accessed 10.03.2015).
17. Barrett Richard. *Foreign Fighters in Syria*. New York, The Soufan Group, 2014. 33 p.
18. Venhaus J.M. *Why Youth Join Al-Qaeda*. US Institute of Peace Special Report, 236, Washington D.C., 2010. 20 p.
19. Johnson B. Do Nothing, and We Invite the Tide of Terror to Our Front Door. *The Telegraph*, August 24, 2014. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/defence/11054093/Do-nothing-and-we-invite-the-tide-of-terror-to-our-front-door.html>.
20. Пенн М.Дж., Залесн Э.К. *Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам*. Пер. с англ. Москва, АСТ, 2009. 512 с. [Engl. edition: Penn M., Zalesne E.K. *Microtrends: The Small Forces Behind Tomorrow's Big Changes*. New York, Twelve, 2009. 480 p.]

**THE JIHADISTS FROM EUROPE IN THE MIDDLE EAST:
PHANTOM AND REAL MENACE**

(MEMO Journal, 2015, no. 10, pp. 18-29)

Received 24.04.2015.

*YASHLAVSKII Andrei Eduardovich (dosier@mail.ru),
Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23,
Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.*

The issue of foreign fighters from Europe who travel to fight on the side of radical jihadist groups in the Middle East (primarily in Syria and Iraq) is growing in importance in view of the threat those militants who return home present for their countries. On the one hand, the phenomenon of so-called "jihad-tourism" is not new. On the other hand, although almost every armed conflict in the countries with predominantly Muslim population attracts foreign volunteers. In particular, the Syrian civil war became the main point of attraction of jihadists from all over the world. Syria is considered by some experts as an "incubator" for Islamist militants. According to some estimates, dozens of thousands of foreigners from about 100 countries participate in Syrian war, including several thousands of citizens of Western nations (Europe and Northern America). Most of foreigners join to the most infamous extremist groups like Islamic State (aka ISIL, or ISIS) and Front al-Nusra (Jabhat al-Nusra). The phenomenon of European Jihadists is connected to a broad range of objective and subjective problems. At this time, the information technologies – particularly, social Internet-media – play a huge role for recruiting young European Muslims by extremists. Together with the battles on Syrian or Iraqi grounds the struggle for minds and souls of people goes in the Internet. At the moment, the extremists generally win this battle. It is necessary for the governments and the civil society of the European countries work out a strategy and effective measures for struggling against a potential menace from the militants returning home from Jihad. No less important is to take preventive actions against the recruiting of young Europeans into the militant groupings.

Keywords: Islamic State, Front al-Nusra, Islamism, terrorism, extremism, Jihadism, Syria, Iraq, Europe, Middle East, foreign fighters, social media.

About the author:

YASHLAVSKII Andrei Eduardovitch, Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher.